

Виталий Святец

Ещё не поздно

18+

Виталий Святец

Ещё не поздно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69808498

SelfPub; 2023

Аннотация

В больнице мальчик очнулся совсем не тем, кем был раньше. Он не узнал никого, кто знал того, чье лицо он теперь носит. И язык был ему едва знаком. Только инспектору ПДН эти игры к делу не пришить, а за проступки того, другого, требуют расплаты. Обложка создана при помощи нейросети Kandinsky (FusionBrain).

Виталий Святец

Ещё не поздно

– С Соколовым мне все понятно, а Семён... Инсульт? Серьёзно, инсульт? В его-то возрасте?

Больничный коридор казался сильно темнее обычного. Небо над городом переливалось сталью и белым шумом, будто никак не могло решить: обрушиться на людей-тараканов там, внизу, дождь, или нет. Инспектор по делам несовершеннолетних Сергей Зарницын разделял эту позицию – он сам не мог определиться с тем, взорваться ему сейчас или повременить. Последние пару часов старший лейтенант полиции пребывал в дурном настроении – посреди позднего завтрака ему прислали видео с камер наружного наблюдения из парка. На кадрах – его «любимый» подопечный, Семён Пыньков, избивает сверстника, а затем замирает на краткий миг и падает замертво. И поступает в интенсивную терапию с абсолютно неутешительным диагнозом.

– Он ненадолго приходил в себя в карете скорой. Лицевая мимика заторможена, координации движений никакой, речь совершенно неразборчива. Фельдшер диагностировал инсульт, позвонил и предупредил. Мы тут подготовили все необходимое. Доставили его без сознания, и... – врач остановился на полуслове.

– И – что? – не слишком терпеливо переспросил Зарни-

цын.

– Сейчас ждем анализы, товарищ лейтенант, но я честно не понимаю, что с ним происходит. Семён пришел в себя с час назад. И чувствует себя вроде бы... нормально.

– Старший лейтенант, – поправил полицейский. – И что значит «вроде бы нормально» после вот... такого?

Они остановились у дверей палаты, где лежал мальчик.

– При повторной диагностике мы не выявили ни самого инсульта, даже внешних признаков, ни сотрясения. Видимых отклонений... Он, знаете, как не с этой планеты. Напуган и лопочет без умолку.

– Гм. То есть голова цела? Здоров?

– Э... Пока рано говорить определенно, но то, что я видел – это совсем не нормально.

– А Ваш фельдшер...

– Нет, – отрезал врач, – ошибиться не мог. У него двадцать лет стажа, товарищ лейтенант!

– Ну, ошибки случаются у всех, – Сергей оглядел небольшой холл, на время ставший пристанищем их разговора. – А что, собственно, говорит сам юноша? Как себя чувствует?

– Мы... не можем понять что именно он говорит.

– Ах, в этом смысле. Это молодежно-приблатненный диалект. Даю мастер-класс, как избавить от него пациента, но только один раз.

– Подожд... – врач не договорил: Зарницын резко толкнул дверь и ввалился внутрь.

– Ну здорово, Сёма! – рывкнул он. – Я тебя предупреждал про малолетку, сволота ты поганая? Чего тебе пацан сделал, что ты бил его ногами, мать твоя наркоманка?

Вопреки всем возможным ожиданиям полицейского, мальчик заплакал, а в его глазах действительно был лишь страх.

– Сёма, скотина, кончай концерт!

Стандартной реакции снова не последовало.

– Не понял юмора, – удивился Сергей. – Ты чего это, а?

И вот тут Сёма заговорил. И тараторил и пыхтел он без остановки, изредка запинаясь, чтобы проглотить слезы. Да только Зарницын ничегошеньки не понял.

– Шеф, – он кивком указал врачу на дверь, – еще на пару слов.

Они вышли из палаты, оставив мальчика на попечение медсестры.

– Так, Михаил... – он взглянул на бейдж. – Николаевич. У меня два с половиной вопроса. Первый – простой: Вы его карточку смотрели?

– Ну разумеется, сразу же! Нам же надо было знать, есть у парня аллергия на какие-нибудь препараты или нет.

– А там было указано про букет наследственного дерьма, который он получил от родителей-алконавтов?

Михаил вздохнул и сдавленно кивнул:

– Было. Ужас.

– Тогда что это за тупой прикол я сейчас видел? – Зарни-

цын схватил терапевта за ворот халата. – Вы его тут чем-то обкололи? Морфин? Кодеин? Чего он там несёт на тарабарском, а?!

– Вы же сами м-меня не дослушали! – взвизгнул врач.

Сергей Зарницын разжал руку.

– Весь – внимание, – буркнул он.

– Я н-не уверен, товарищ лейтенант, но это, в-вроде бы, польский.

Потребовалось несколько секунд, чтобы Сергей попытался прогнать эту информацию через свой мозг.

– Чего? – спросил он наконец.

– Польский, – кивнул врач. – Ну, или похожее, кто там в этой долбаной Европе рядом...

– Так. Сначала инсульт – то он есть, то его нет, а теперь это. Николаевич, а Вы сами-то не под наркотой часом? Какой польский? Этот малолетний дегенерат знает только два языка – русский и русский матерный, и те – с ошибками.

Михаил Николаевич открыл рот, но быстро щелкнул зубами и пригласил Зарницына обратно в палату. Когда они вошли, парнишка снова вжался в койку.

– Михаил, – по слогам произнес врач похлопал себя по груди. Потом подошел к медсестре и положил руку ей на плечо. – Кристина.

Он повторил этот номер несколько раз, и указал рукой на мальчика.

– Колек, – показал на себя Сёма.

– Какой еще Коля? – снова повысил голос Зарницын. – Ты чего несешь?

Михаил замахал руками, а Сергея между тем осенило:

– Да хорош комедию ломать! – заорал он. – Я все уже понял! Хотите признать его невменяемым? Так опоздали, я это до вас знал! Он бы не избивал всех, кто под руки попадет, будь это иначе! А теперь – всё, прямым ходом отправится в колонию для мелких фашистов!

Вдруг пацан заорал во всю ребяческую глотку, вскочил с кровати, опрокинув по пути стойку с капельницей и забился в угол. Он бешеными, сумасшедшими глазами озирался по сторонам, повторяя лишь одно слово:

– Фашишти... Фашишти...

Старший лейтенант Зарницын остановился и принялся судорожно думать. На Семёна это было абсолютно не похоже. В иной ситуации пацаненок бы вяло послушал, потом испугался бы угроз, состроил бы удивительно честные глаза и клялся бы всем богам, что исправится. Мол, ну что Вы так сурово, ошибки случаются у всех, дядя полицейский! Ну правда!

Ага, да. Ровно до следующего инцидента.

Огрехи... нет, думал Сергей, какие уж огрехи – воспитания не было вообще. Сёму забрали от родителей, алкашей и наркоманов, и несколько лет лечили от туберкулеза и какого-то сдвига в нервной системе, название которого при должной сноровке-то не всегда выговоришь. В социуме – в дет-

ском доме – мальчик быстро понял, что общепринятые нормы морали и поведения несколько сложнее тех, что он привык видеть в родных четырех стенах, и понимать их отказался. И не то, чтобы он был такой совсем один – постоянно случались и драки, и синяки, и ссадины. И абсолютная пустота в голове. Что разговаривай, что наказывай, толку – никакого.

Последний случай всех злее – напал среди бела дня на идущего мимо мальчика и бил его ногами, пока тот не начал хрипеть. Это – финиш, думал лейтенант, теперь игры кончились. Да только... Сёма, этот номер не в твоём репертуаре, а актер из тебя так и вовсе дрянной. Тогда что же происходит-то? Сергей поймал взгляд мальчика, и не увидел ничего хорошего: тот совершенно не узнавал своего «лечащего» полицейского. Словно впервые видел. Сыграть такое даже хорошему актеру сложновато.

Изредка выглядывающее солнце спряталось за плотной пеленой черных грозовых облаков. За окном окончательно потемнело. Город поглотили густые сумерки, хотя вечер еще даже не думал начинаться.

Лейтенант Зарницын поглядел на испуганную девушку Кристину, чьи глаза слишком явно выдавали желание убежать из палаты от греха подальше. Обратил взор на Михаила Николаевича, чьи глаза замерли где-то между непониманием и... чем-то еще.

– М-да. Видать, здорово ты башкой долбанулся, – пробор-

мотал он, взял стоящий около койки стул и сел рядом с Сёмой. – Ладно, попробуем по-вашему. Михаил, – он указал на врача.

– Михаил, – после заминки подтвердил тот, похлопав себя по груди.

– Кристина, – указали они на медсестру и одарили ее пристальным взглядом. Повторяй, мол.

– К.. Кристина, – пролепетала она и положила руку на себя.

Мальчик все еще испуганно дергался, пытаясь сильнее вжаться в стену.

– Сергей, – указал лейтенант на себя.

– Росьяне? – медленно сказал Семён. И, добавил, указав на взрослых дрожащим пальчиком. – Не фашишти?

Сергей скорчил гримасу и посмотрел на врачей. Те ошарашено закивали.

– Россияне, – повторил полицейский, глядя на мальчика, – не фашисты.

У пацана затряслась нижняя губа, а по щекам снова показались слезы:

– Ратунок, – выдохнул он. – Хвала армии червоной...

И обмяк, потеряв сознание. В окно палаты крупными каплями застучал дождь.

Некоторое время никто не решался пошевелиться.

– Не знаю, товарищ лейтенант, кто такой Ратунок, – первым заговорил Михаил после долгой паузы. – Но вот черво-

ная...

– Да. Знаю, – ответил Сергей ледяным голосом и направился к выходу. – Скоро приедет директор детдома. Мы будем в кафетерии.

– Выражаю озадаченность, – проговорил седовласый мужчина в костюме-тройке, дослушав рассказ. – Если Вы так шутите, Сергей Романович, то это, гм... Не смешно.

Сергей поймал себя на том, что все крутит и крутит в голове фразу мальчика о червоной армии и никак не может ее отпустить.

– А похоже, что я смеюсь? – он отхлебнул кофе. – Можете врача поймать, Михаил зовут, то же самое Вам скажет.

Еще глоток кофе.

– Поэтому, спрошу еще раз, Петр Алексеевич. Утром не было эксцессов?

– Ничего необычного, – ответил директор детского дома.

– Сдается мне, навещать вас надо почаще.

– Бог с Вами, у Вас итак дел невпроворот.

– Для рассадника детского бандитизма, – прорычал лейтенант, – я время найду.

– Они не бандиты, Зарницын. Они – дети. Дети, которым не повезло. И наша задача сделать так, чтобы они не чувствовали этого, сделать из них членов общества.

– И как, преуспеваете?

Петр Алексеевич грустно усмехнулся:

– Лет двадцать пять назад было гораздо хуже. Там каждый третий, как Семён, прямо отчаянно желал провести жизнь за решеткой. А сейчас он *такой* фактически один на все учреждение.

– У-ух ты, – протянул лейтенант. – Ну, это окрыляет.

Директор детдома покачал головой глядя на полицейского:

– Злой Вы, Зарницын. Не ласковый.

– Да будь моя воля, – взорвался Сергей, – пристрелил бы, как больную макаку! Вот, полюбуйтесь! – он практически швырнул руководителю детдома папку. – Это Марк Соколов. Отличный парень, через неделю двенадцатый день рождения отпразднует. Только, знаете, в чем проблема? В том, что не будет у него на дне рождения ни аниматоров, ни шоу мыльных пузырей, ни даже игровой приставки! У него три ребра треснуто, и одно – сломано, что спровоцировало повреждение легкого! И сделал это Сёма, мать его наркоманка, Пыньков! Видео с камер прислали сразу же, там все красочно видно, хоть реконструкцию делай. Я не собираюсь церемониться – скажу родителям Соколова все, как есть. В лепешку расшибусь, но буду добиваться тюрьмы. По детскому строгому пойдет.

– Но... – Петр Алексеевич на некоторое время умолк. – На тех же камерах видно, что Семён внезапно столбенеет и падает?

– Видно, – подтвердил Сергей без особого энтузиазма. –

Врачи сначала подумали, что инсульт. Но тут, в больнице, очнулся и заговорил на польском. А потом спросил, не мы ли «фашишти». И в конце это «Хвала армии червонной». Послушать – так бред! В любом случае, теперь, если я все правильно понимаю, его ждет полный набор по неврологии, что мне лично не на руку.

– Извините, лейтенант Зарницын? – к их столику подошел взъерошенный, чуть полный мужчина средних лет в рабочей заводской форме.

– Старший лейтенант, – отозвался Сергей. – Внимательно.

– Я Игорь Соколов. Отец Марка.

– Ах, да, здравствуйте, присаживайтесь, – полицейский поднялся с места. – Позвольте, это – Петр Алексеевич, директор детского дома, где...

– Добрый день, – директор встал следом и протянул Соколову руку.

– ДОБРЫЙ?! – рявкнул тот.

– Был, – сдержанно ответил тот и убрал ладонь, – пока я не узнал о произошедшем. Я Вам искренне сочувствую.

– Серьёзно?! Да запихните себе ваше сочувствие...

– Гражданин Соколов, держите себя в руках, пожалуйста. Нам еще *тут* мордобоя не хватало.

– А он будет, лейтенант! Не из паскудника душу выну, так из его... его... Ментора! Как Вы вообще выпустили ЭТО на улицу?!

– ЭТО? – не понял Петр Алексеевич. – Это ребёнок!

– Это у меня – ребёнок! – ревел Соколов. – Хорошо учится, ходит на гитару и гуляет с собакой без напоминания! А то, что его избил – это тупорылое животное! Это погань, которую истреблять надо! Придушу тварь!

– Как бы отчаянно я не желал Вам это позволить, – осторожно, сквозь зубы, заговорил лейтенант, положив руку на плечо отца пострадавшего мальчика, – простите, не могу. Я все же на службе.

– Да хреново вы служите! – Игорь Соколов смахнул руку Сергея. – Почему раньше не изолировали?! Этого ждали, да?! ЭТОГО?!

– Слушайте, я... – он вздохнул. – Я понимаю Вашу боль, и, клянусь, буду добиваться...

– Не будете, – вклинился в разговор возникший из воздуха терапевт Михаил Николаевич. – Семёна больше нет.

В палате, где под присмотром Кристины находился парнишка, было еще четверо докторов. Они оживленно шептались, но, увидев других посетителей, резко притихли.

– И что за цирк вы тут опять устроили, Николаевич? – резонно спросил старший лейтенант Зарницын, поглядев на собравшихся. – Ты ж сказал, что Семён умер.

– Я, э... Нет, я сказал, что его больше нет.

– А это, – Сергей указал рукой на парня, – я не соображу, кто: водопроводчик или слесарь?

Мальчишка дернул головой в сторону лейтенанта, будто

услышав знакомое слово.

– Колек, – нежным голоском сказала медсестра Кристина. – Колек Тшебинский, двенадцать лет.

Инспектор ПДН Зарницын закатил глаза и набрал побольше воздуха.

– Так, господа врачи. Я немножечко устал от апофеоза идиотизма, который тут происходит.

– Понимаете, при падении мог быть поврежден мозг... – заговорил кто-то по правую руку от лейтенанта.

– Брехня, – быстро ответил Сергей. – Нет у него мозгов, я проверял.

– Амнезия...

– Что?

– Шок...

– Да вы...

– Восемьдесят пятый. Последний аналогичный случай.

– Нет, должны быть похожие...

– Травма или височной доли или речевого центра.

– ХВАТИТ! – крикнул полицейский, да так, что все собравшиеся потянулись к стенам. – Давайте-ка вы тут сейчас резко прекратите умничать и объясните тупому полицейскому и его другу – директору детского дома – что хотели сказать, только сжато, внятно и самую суть. Я понятно выражаюсь?

– Ну-ка тише, – осторожно похлопал его по спине Петр Алексеевич, который все это время неотрывно смотрел в гла-

за Семёна. Мальчик смотрел на него в ответ, но диалога не происходило. – Посмотри, он и меня не узнает.

Директор медленно подошел и сел на краешек койки.

– Семён? – спросил мужчина.

Мальчик непонимающе оглядел собравшихся.

– Колек?

– Колек, – ответил мальчик. – Называю ще Колек.

– Петр, – после некоторых раздумий директор показал ладонью на себя. – Хвала армии червоной.

– Хвала, – отозвался Колек.

По палате порывом ветра пролетел шепот. Дождь колотил в окно, что было мощи.

– Так, у кого-нибудь есть приложение-переводчик в телефоне? – спросил Петр Алексеевич.

Кристина протянула ему свой смартфон, попутно объясняя, куда нажимать. Колек с нескрываемым любопытством разглядывал тонкий маленький экран с бегающими от движения пальцев картинками.

– Магия, – прошептал он наконец.

– Хе. Не магия, наука, – улыбнулся Петр Алексеевич. Он набрал в приложении вопрос и нажал на кнопку озвучки.

– Вичжалеш то вчешней? – прозвучало из динамика смартфона.

Мальчик аж подпрыгнул.

– Не! Не, нигде!

– Такого он раньше не видал, – сказал директор.

– Так спросите, – припомнил лейтенант, – не такой ли он украл у вашей помощницы месяц назад.

Петр Алексеевич взглянул на Сергея, как на прокаженного, и набрал новое предложение.

– Сконт походиши?

– Виеж под Краков, – медленно ответил мальчик.

– Все. Мне это надоело, – снова заговорил Зарницын, испытывая смятение пополам с чувством, что где-то здесь явно какой-то подвох. – Он слов таких не знает и знать не может.

– Да подождите Вы, товарищ лейтенант, – одернул его Михаил. – Вы... Ох, Вы сейчас видите просто-таки феномен, понимаете? В мире есть записи о людях, которые после потери сознания приходили в себя, а были уже другими, совсем другими! И говорили на чужих языках, и не узнавали родных и прочее, но впервые – **ВПЕРВЫЕ**, я повторяю Вам! – мы здесь, в России, видим такое воочию! Это невозможно хоть как-то имитировать!

– Тогда что, мать вашу, тут происходит и что, черт подери, значит это ваше «Семёна больше нет»?

– Ну, в этом теле теперь другое сознание. В голове мальчика больше нет Семёна, там только Колек.

Семён-Колек и Петр Алексеевич продолжали в меру спокойно общаться с помощью переводчика в телефоне Кристины. Любопытство парня пересилило страхи.

– М, – кивнул Сергей. – Знаешь, я, пожалуй, позвоню коллегам в наркоконтроль и сдам тебя со всеми потрохами, пока

ты не изнасиловал этой чушью еще чьи-то мозги.

– Вы не понимаете...

– Так объясни мне! – прошипел лейтенант Зарницын. – И объясни понятно.

– Я не знаю как объяснить понятнее!

– А ты постарайся, Николаевич. За дверью – отец Соколова, того пацана, которого этот вот Коля избил, и он жаждет возмездия. Думаешь, он поверит в эту дурь?

– Я могу доказать! – врач снова почти сорвался на ультразвуковые частоты.

Сергей потер веки и переносицу.

– Так... Поправь меня, если я что упустил. Ты всерьез считаешь, что это никакой не Семён Пыньков, ребёнок алкашей, а какой-то польский Колек? И где этот Колек сидел?

– Он... Он как бы нигде не сидел.

– Николаевич, я тебя сейчас ударю.

– Гм... – пробурчал Николаевич. – Ладно, не так... Вы смотрели видео: мальчик бил другого, а потом остолбенел и упал, так?

– Ну.

– И потерял сознание сначала там, а потом в скорой, так?

– И дальше-то что?

– Вот в какой-то из этих двух моментов Семён из него вышел, а вошел Колек.

– Ну и куда Семён-то вышел? В астрал, покурить?

– Да бог ты мой, товарищ старший лейтенант! Вы... Вы

же, говорите, знаете его?

– Как облупленного.

– Так разве Вы не видите, что это вообще другой человек?!

– Нет, бляха от сандалика, я этого не вижу! Та же самая морда, которая была того мальчика, Соколова. Это записано на видео и это – доказательство! А от твоей фантазии у меня сейчас голова окончательно распухнет.

– Так я могу доказать, что это не Семён!

Зарницын шумно выдохнул и на несколько секунд прислушался – Петр Алексеевич говорил с мальчиком про Новый год. Потом внимательно всмотрелся в каждый свободный угол.

– Значит так... Я не знаю, где тут у вас скрытые камеры и почему до сих пор не прозвучали хлопушки с криками «Розыгрыш», но...

– Да никакой это не...

– Не перебивай, Николаевич.

Врач умолк.

– Допустим, на меня, внимательно – *допустим*, я тебе сейчас подыграю. Как ты докажешь, что теперь этот пацан – вообще не этот пацан, а кто-то другой? Экзорциста позовешь? Юридически этот фокус не прокатит.

– Тьфу на Вас, – хмыкнул Михаил. – Экзорциста. Не для того человечество развивает науку и медицину.

– Серьезно? Есть способы? – Сергей еще раз взглянул на

окружающих. Некоторые, потеряв интерес к мальчику, грели уши на беседе лейтенанта и Михаила.

– Есть. Кабинет этажом ниже.

Едва Сергей собрался что-то ответить, случилось страшное:

– ... Ошвеньцим...

Слово, слетевшее с уст мальчика, гильотиной разрубил воздух. У Петра Алексеевича затряслись руки и он едва не выронил телефон Кристины. Врачи переводили друг на друга немые взгляды и оторопевшие лица.

Доселе барахлившая связь Сергея Зарницына с реальностью окончательно заглохла. Впервые за весь день он готов был поверить, что Михаил Николаевич прав, и эта скверная театральная постановка вовсе не то, чем ему, лейтенанту, кажется. Он несколько раз провернул происходящее в голове вперед-назад во времени. Как-то в теории врача все концы с концами больно логично и, что самое главное, удивительно удачно сходятся.

И вдруг мальчик произнес это страшное слово, и произнес осмысленно. Подстроить такое было почти нереально – не в том парень возрасте, в школе такое еще не проходят. А уж о чтении соответствующих книг он мысли не допускал никогда. Но тогда как? Откуда?

Где-то на периферии сознания полицейского мелькнула мысль из разряда «Если это правда, то...», которую ему все же удалось в последний момент поймать за хвост.

Зарницын подошел к койке, достал свой телефон, включил фронтальную камеру и поднес ее к лицу Семёна-Колека.

– Петр Алексеевич, переведите, пожалуйста, слово «зеркало».

И грянул гром.

Игорь Соколов вышел из палаты сына, каким-то чудом сдерживаясь от того, чтобы разнести все вокруг до атомов. Ярость внутри бурлила и кипела, готова была выплеснуться наружу, да только ее останавливала надежная крышка законов Российской Федерации, в самых толстых местах – уголовный кодекс. Он сам не знал, выстоит ли этот бастион. Он хотел рвать, метать. Хотел душить, хотел бить маленького ублюдка до потери пульса, до брызгов теплой крови в лицо, до хруста костей. Хруст костей, думал Соколов, пианино хрупкого человеческого тела, о прекрасная симфония воздаяния за содеянное зло...

Но мужчина не стал тянуть цепочку рассуждений дальше. Он сел на скамейку возле дверей в палату, вытер рукавом мокрые глаза и сжал руки так, что пальцы побелели полностью. Он еще держался. Знал, что нельзя, знал, что это червато и для него, и для Марка.

Дома, где его ждала убитая горем супруга с младшим сыном и милейшим лабрадором, в прикроватной тумбочке лежал сертификат на полет на парашуте. Игорь купил его пару дней назад, в подарок Марку на день рождения. От вос-

поминания на глаза снова набежали слезы бессильной злобы. Он не увидит счастливые глаза сына, а сын не получит *событие*. Вместо этого – гипс, процедуры и длительное восстановление. Не должен ребёнок на день рождения получать такие «подарки», но они уже открыты...

– Из-за кого?! – тихо проревел мужчина. – Из-за этой мрази! Из-за этого грёбаного выродка, этой тв...

Он не успел опомниться – мимо пробежали врачи, полицейский и тот пожилой директор детдома. Они все катили койку с тем, о ком Соколов сейчас думал и в деталях представлял, как вырывает хребет. По лицу мальчика струилась кровь.

– Освободить процедурную в неврологии! – крикнул кто-то. – Заведующего и трех врачей туда – НЕМЕДЛЕННО!

Произошло то, чего не должно было быть – на лице Соколова заиграла улыбка, а слово «отмщение» согрело душу. Но следом пришла другая мысль. И окунула все во тьму.

– Да какого... они... с ним... **ВОЗЯТСЯ?!**

Игорь Соколов держался. Из последних сил. Но нечто мрачное, что зрело внутри него и переливалось вспышками боли и ярости, стало обретать форму.

За окнами бушевала гроза.

– Ну, – сказал Сергей спустя полчаса, глядя в бешеные и осуждающие глаза собравшихся, – в свое оправдание скажу, что я этого вообще не ожидал.

Петр Алексеевич держался за левый бок в районе нижних ребер, куда пришелся удар ногой мальчика. Врачи, исключая Михаила, впавшего в ступор за пределами больничной койки, потирали ушибы. Кристина разглядывала трещину, идущую через весь экран ее смартфона и бросала на полицейского такие взгляды, что тот понял – жениться на девушке будет дешевле.

Семён-Колек мирно спал, что стоило дозы успокоительных, способной завалить носорога. Неврологи в это время крепили ему на голову устройство из двух дюжин датчиков.

– А чего ты вообще ждал, Серёжа? – спросил Петр Алексеевич.

– Явно не того, что пацан в ужасе попытается содрать с себя лицо, – честно признался Зарницын. – Мне до этого момента все казалось каким-то глупым шоу.

– Что ж, – заговорил Николаевич. – Зато теперь у вас есть подтверждение очевидного.

Зарницын нехотя покачал головой.

– Мне такое подтверждение в дело не пришить. Хотелось бы нечто более фундаментальное и реальное.

– Десять минут и все у вас будет, товарищ лейтенант, – кивнул Михаил в сторону коллег.

– Ладно-ладно. А что это?

– Электроэнцефалограмма.

– Николаевич, – мягко сказал полицейский после паузы. – У тебя что, задачу подробностей отключили за неуплату?

– Ай... – прошипел терапевт. – Наши мозги уникальны так же, как отпечаток пальца или цепочка ДНК.

Петр Алексеевич, Кристина и Зарницын кивнули.

– Пока понятно.

– И биоэлектрические сигналы мозга, как показывают последние исследования, точно так же уникальны.

– Все так, – отозвался один из неврологов. – Моя научная работа. Не терпится поглядеть, что там у пацана.

– А, – потянул Сергей, глядя на десяток зигзагообразных, бегущих по монитору около койки, линий. – Вы хотите записать эти данные сейчас и сравнить с тем, что было до инцидента, когда его лечили ваши коллеги, и если не будет совпадений...

– Значит в его голове не Семён, а Колек, – закончил Михаил. – Тшебинский.

– В точку, – невролог улыбнулся во все зубы.

– А, кхм... У меня два с половиной вопроса. Первый – простой. Чему вы радуетесь?

– Мы имеем фантастическую возможность задокументировать *чудо*, господин полицейский!

– Хо-орошо, годится. Есть над чем поразмышлять, хотя спорить не стану. Ну а объяснить-то вы это чудо медицинской терминологией сможете?

Лишь глухие звуки бури, что свирепствовала за стенами больницы, прерывали воцарившееся молчание.

– Нет, товарищ лейтенант, – Михаил Николаевич покачал

головой. – Этого никто не смог до нас, и мы вряд ли сможем. Факт – фактом. Таких на планете наберется, может, два-три десятка. Но вот механизм...

– Список загадок Вселенной длинный, – грустно сказала своим воздушным голосом Кристина. – Переселение душ. Об этом писали, много...

– Да, но в основном беллетристы, – согласился Михаил. – Никак не врачи или ученые. У нас всего один способ...

Невролог меж тем объявил о начале записи показаний.

– Это недолго, – добавил он.

Неожиданно люминесцентные лампы в помещении начали мерцать. Та, что была над головой Сергея, и вовсе засияла солнцем на мгновение, но сразу же погасла.

Он некоторое время молча смотрел в потолок. Кристина сдвинула штору на окнах, и ее взору предстал шторм.

– Как бы не случилось аварии, – произнесла она, глядя в глаза стихии.

– Виноват, а... Никто не хочет обсудить то, что сказал мальчик?

Присутствующие повернулись на Петра Алексеевича.

– По поводу? – не понял Сергей.

– Освенцим, – директор детского дома опустил голову. – Он сказал «Освенцим». Надеюсь, экскурс в историю не нужен? Фашисты убивали там тысячами, десятками тысяч. Мужчин, женщин...

– Детей, – полицейский почесал затылок и, спустя мгно-

вание, замер. – Стоп. Вы хотите сказать, наш друг явился в тело Семёна прямиком...

Кусочки мозаики враз собрались в ужасающую картину.
«Из Освенцима».

Ноги подкосились сами собой.

«Ребёнок из Освенцима».

Он отшатнулся, сполз по стене на пол и схватился руками за голову.

– Что такое?! – дернулись к нему присутствующие.

«Хвала армии червоной».

Лампы снова замерцали.

«Росьяне? Не фашишти?»

Все сошлось.

Сергею стало плохо. Сердце готово было проломить грудную клетку изнутри и выскочить наружу.

«Освенцим».

Полицейский наяву увидел картину глазами мальчика.

Он стоит посреди деревянного, полупрогнившего, ледяного барака, где на голых досках, на стертой в пыль соломе ютятся тысячи изможденных, голодных, больных людей, для которых смерть – избавление от пыток. Слышно, как гремят механизмы в печах крематория, что сжигает следы бесчеловечия Третьего Рейха. Мальчик устал. Голоден, истощен, напуган до смерти. Из него вылили несколько литров крови. Его сознание плавает в тумане на границе реальности.

Зима. Тьма. Ветер. Холод. Смерть.

Он слышал, что говорят немцы – войска Красной армии на подходе. Но их не видно. Он не знает, дотерпит ли, доживет ли.

В барак влетают фашисты. Они палками, кнутами и автоматами сгоняют всех с мест и гонят в сторону печи. Всех до единого. Их ведут в большое закрытое помещение. Там нет фонарей и воняет кровью и гнилью. Ад на земле.

В трубах в стене начинается что-то шипеть. Мальчик закрывает глаза в надежде, что сейчас все закончится...

– Товарищ лейтенант? – Кристина коснулась ладонью его щеки. – Что с Вами такое?

– Если он ребёнок из – Освенцима, – заговорил Сергей, вернувшись из омута своих мыслей. – Если вы все правы... То вот сейчас – о чем он думает? Очнуться спустя восемьдесят лет в другом теле. В другом мире, что пережил еще десяток войн. И первым... Господи, Зарницын, ты – debil...

Он опустил глаза.

– И первым, что он видит – это то, что на него орёт человек в погонах. На едва знакомом языке. А в зеркале видит не себя, и даже не тень себя. Ему помощь нужна, психолог...

– Жаль, никто не сказал Вам раньше, что с детьми надо быть поаккуратнее, – хмыкнул Михаил Николаевич.

– Да откуда мне было знать, что там...

– А какая разница кто там?! – перебил его Петр Алексеевич. – Поздно в тебе проснулось сочувствие! Да, согласен, если все так, то Колек – ребёнок, которому не повезло, и это

еще мягко сказано. Но и Семён, и я тебе уже говорил, много раз, что он – тоже ребёнок, и ему тоже не повезло. Много ты сделал, чтобы стало легче?!

«М-да, – подумал Зарницын. – Зашибательско, ничего не скажешь.»

– Ошибки случаются у всех, Петр Алексеевич! – выпалил он.

– А теперь вспомни, как ты бесился, когда это же тебе говорил Сёма!

Сергей постарался, но придумать ответ не смог и окончательно поник. Парировать было нечем.

– Не теми ты методами работаешь, Сергей Романович. Воспитывать розгами? Так и чем ты лучше него? И чем ты лучше...

Директор детдома осекся.

– Лучше...

– Не надо, – Сергей поднял руку. – Я понял.

– Понял он. Поздно ты понял, когда его... И вообще – где Сёма-то тогда? – с надрывом выпалил Петр Алексеевич, глядя на врачей. – Где?

Старший лейтенант тоже подумал об этом. Но сказать в слух не решился. Посмотрев на быстрой перемотке все события дня, он принялся размышлять над дальнейшей судьбой мальчика. Но вывод быстро напросился сам собой. И он никак не утешал.

– У него этих ЭЭГ в истории... – нарушил тишину невро-

лог. – И ни одного совпадения.

Вновь красноречивое, звенящее безмолвие стало ответом.

– И... Кому будем звонить? – спросила Кристина, не особенно рассчитывая на какой-либо трезвый ответ. – В новости?

– Нет, – отозвался Зарницын, поднимаясь с пола. – В психоневрологический.

– Зарницын! – Петр Алексеевич встал. – Тебе что, опять надо по...

– В психоневрологический, – сказали врачи почти в унисон.

Директор замер и посмотрел на врачей преисполненным боли и ужаса взглядом. Но быстро понял – они правы.

– Но... – заговорил он, и его голос начал срываться. – Вы же не...

– Хотите Вы того, или нет, Петр Алексеевич, но суды чудеса не рассматривают. Единственный способ, – Сергей кивнул терапевту, – нормальные врачи. Вы, Николаевич, психиатры и так далее. А у них нет понятия «чудо», каким бы оно там ни было на самом деле. Зато есть понятие «недееспособный».

– Да как ты можешь?! – Петр Алексеевич тщетно искал поддержки в глазах присутствующих. – Кто бы там ни был, Сёма или Колек, это не важно! Если он правда секунду назад из концлагеря, это...

– Это все равно человек, который считает себя кем-то дру-

гим, – закивал Михаил. – Лейтенант прав – недееспособный. Да, я всеми силами души с Вами – мы видим феномен! Но чтобы спокойно его исследовать, чтобы *помочь* – другого способа нет.

Сергей Зарницын на секунду улыбнулся.

– Не обольщайтесь, Сергей, – со злобой бросил терапевт. – Я согласен с Вами *вынужденно*. Мне совершенно не по нутру то, что Вы сейчас действительно правы. Ну, хоть мечта Ваша сбылась – его признают неменяемым, а для Вас это вроде как гора с плеч.

– Да, – подтвердил Зарницын, глядя на мальчика, обвешанного медицинскими датчиками. – Только сейчас меня это почему-то совсем не греет. Теперь я не знаю, чем могу ему помочь. А я хочу помочь! Если ещё не поздно...

Михаил посмотрел на Сергея и коротко кивнул, будто принял извинения. Петр Алексеевич вновь сел, пытаясь совладать с эмоциями. Кристина, устремив взгляд куда-то в пол, переминалась с ноги на ногу, не зная, чем себя занять. Невролог, не замечая никого и ничего на свете, впился глазами в графики, что усердно рисовал прибор.

Внезапно, с глухим раскатом грома, погас свет.

Во тьме больничного коридора, что озарялся лишь редким искусственным светом приборов и экранов, в проблесках белых вспышек халатов врачей, что забегали, как в потревоженном муравейнике, раздался лязг тележки с обору-

дованием. Сквозь этот мрак Игорь Соколов, так и не сумев победить зло внутри себя, разглядел то, чего ему не хватало до последней секунды – манящую, сияющую идеально заточенной сталью, возможность.

– Сохраняем спокойствие, – велел Михаил Николаевич. – Сейчас включатся запасные генераторы.

– Тише! – крикнул Зарницын.

Присутствующие смолкли. Звуки ненастья за окном перемешались с беготней по этажу. Было темно, и только свет приборов помогал сохранить очертания процедурного кабинета.

– А ну замерли все! – скомандовал старший лейтенант.

– Что Вы...

– Николаевич, тише!

Трижды повторять не пришлось – Кристина, директор и Михаил застыли и не смели дернуться со своих мест. Невролог не отрывался от экрана и, кажется, так и не понял, что статус-кво вокруг несколько изменился. Зарницын слушал. И явно что-то слышал.

– Товарищ лейт...

Но тот выставил руку вперед, призывая к молчанию. Через несколько секунд он тихо, не издавая звуков, подошел к двери, присел на корточки и выставил ногу в сторону. Следом он быстро достал телефон и включил фонарик.

Спустя еще пару мгновений дверь открылась и внутрь,

медленно ступая, вошел человек. Сергей осторожно направил на него свет и, не увидев отблеска белого халата, рванул свою ногу в сторону и ударил по ногам незванного гостя. Игорь Соколов потерял равновесие и рухнул на пол.

– Господи, – от испуга девушка выронила из рук смартфон. Экран разлетелся на мелкие осколки.

– Как Вы... – испуганно начал Михаил.

– Я этого ожидал, – коротко ответил Сергей и немного наклонился к пытящему мужчине. – Гражданин Соколов, ну я же просил – не нужно мордобоя, не нужно мести. Хватит на сегодня травм и увечий.

– ЧЕГО РАДИ?! – заорал отец Марка.

– Того, что нельзя отвечать злом на зло, – заговорил Зарницын. – Иначе...

Взмах.

Быстрее пули пронеслась к нему рука Игоря Соколова. Лейтенант не успел ничего сделать. Скальпель врезался ему в горло.

Рука Соколова дрожала. Кровь лилась по ней, по одежде, по форме полицейского. Зарницын рухнул на колени и медленно потянулся к ране. В глазах темнело и мутилось. Было больно. Так, как никогда прежде.

– Иначе... – прохрипел он, глядя в глаза сбитого с толку отца. – Вы... Ничем... Не... Лучше... Фашистов...

Сквозь разрывающую все внутри шеи резь и плотный туман Сергей Зарницын видел, как Игорь Соколов изменил-

ся в лице. Ярость пропала. Появился страх. Смятение. Боль. Оцепенение.

– Что же это... – простонал Соколов и горько зарыдал. – Что я... ЧТО Я НАДЕЛАЛ?!

Скальпель выскользнул и звонко отскочил от пола. Лейтенант едва смог зажать рану и упал. Он еле видел, как мужчину оттащили в сторону. Глухо слышал крики. С трудом чувствовал собственное сознание. Оно уходило.

Он вдруг подумал, что сейчас, буквально через минуту, очнется в другом теле. В другом месте и времени. В новом мире. Улыбнулся, глядя в наполненные ужасом глаза Кристины, которая изо всех сил зажимала пальцами дыру в его шее. Рукава ее халата залила кровь.

– Нор... м... мально... – чуть дыша сумел проговорить он, перед тем, как упасть в черную бездну.

Казалось, мимо него вспышками пронеслась вечность. Он очнулся, стоя посреди темного океана. Вода, что простиралась во все стороны до самого горизонта, едва доходила до колен. Вдали сияло черное солнце, а вокруг него переливался белый ореол.

– Сколько смотрю на это, а все не могу наглядеться, – услышал полицейский знакомый голос.

Он обернулся и обомлел.

– Да нет, – выдохнул Зарницын. – Да ну не может этого быть!

– Пф... Типичный сексист, – улыбнулась Кристина. Она была облачена не в медицинский костюм, а в темно-синее элегантное платье без рукавов. – Как у вас, людей, принято? А! Что, не женская работа, да? – съязвила девушка.

– И в мыслях не было... – проямлил мужчина. Он вдруг заметил на плече девушки татуировку: рядом с песочными часами расположились черная коса и рыжий кот.

– Я шучу, – легко сказала она. – Ну, куда?

– В каком смысле? – не понял Сергей.

И все резко вспомнил. Только душу окутало какое-то странное ощущение спокойствия.

– Я умер?

– Нет, но стараешься прямо сейчас. Тебе решать.

Он обвел глазами пустой пейзаж.

– Как-то это не похоже на свет в конце тоннеля.

– Наверное, и не должно, – Кристина смотрела куда-то вдаль. – Так что? Ты хочешь помочь мальчику?

Зарницын почувствовал, как отчаянно заколотилось сердце.

– Он правда из Освенцима? Он правда видел весь кошмар, о котором мы... Мое поколение... Только читали и, изредка, слышали?

– Правда, Сергей. Я долгие годы ловлю души тех, кто должен был погибнуть в концлагерях, за секунду до смерти, и переселяю в другие тела. Даю им другую жизнь. Лучшую жизнь. Ту, что они заслужили.

– А с нацистами ты как поступаешь?

Девушка пристально посмотрела ему в глаза и сжала губы в тонкую линию.

– Да ладно. Нет. Нет-нет-нет-нет. Не может...

– Ты поступил бы иначе? Тебя не греет мысль о том, что армия рейха жгла в своих печах, душила газом и убивала электричеством самих себя?

Полицейский смолк и задумался.

– Нет. Я поступил бы иначе, – он поднял глаза к небу. – Я знаю историю. Тупые, настроенные на военную романтику американские солдаты обезумели от того, что увидели своими глазами в лагере Дахау, настолько, что расстреляли всех сдавшихся в плен. Наши не позволяли себе подобного, потому что в противном случае были бы ничем не лучше врага. Ничем не лучше фашистов.

Она одарила лейтенанта улыбкой.

– Впервые за тысячу лет я слышу такие достойные слова. Ты хороший человек, Сергей Романович Зарницын. Мне здесь такой бы пригодился.

– Здесь? А что это за место такое – «здесь»? Какая-то пограничная зона?

Девушка оглядела водную пустошь. Посмотрела вверх, где сгушался мрак. И пожала плечами.

– Сложно сказать точно. Механизм Вселенной. Или подпрограмма реальности. Твой термин тоже подходит. А я – её... на язык просится слово «посредник».

– Ясно, – вздохнул Сергей. – Ясно, что ничего не ясно...

– Ты решил? – снова спросила Кристина.

– Реш... Остаться или вернуться?

– Да.

– Ты не шутишь?

– Судя по твоей реакции на шутку про сексиста, – она усмехнулась, – шутить у меня получается плохо.

Зарницын коротко улыбнулся.

– Это нечто... – он взгляделся в черное солнце и попытался привести в порядок бушующие мысли. – Невероятное. За-вораживающее. Неизведанное, но... Но я не собирался уми-рать так скоро. В мире... На Земле тоже есть столько всего завораживающего и неизведанного, чего я еще не делал. И я...

На мгновение он снова потерялся в своей голове.

– Я хочу помочь мальчику. Э... Колеку.

Кристина подошла и поцеловала его. По губам Зарницына будто пробежал электрический ток.

– Теперь все будет хорошо, – почти прошептала она. – Ты поступил правильно. Возвращайся домой.

И девушка отправилась навстречу солнцу. Сергей вышел из оцепенения и рванул за ней.

– погоди! погоди, постой!

– Да?

Он на секунду устоял себе под ноги.

– У меня... Два с половиной вопроса.

– Как и всегда, Сергей Зарницын.

– Так... Ты правда делала так, что фашисты умирали в их же лагерях?

Кристина пристально смотрела ему в глаза.

Вокруг Сергея начала появляться пелена. Он догадался – его возвращали обратно. Старший лейтенант так и не смог понять, что девушка хочет сказать, ее лицо оставалось непроницаемым.

– Ладно, – бросил он. – Не важно! Ты можешь сказать, где сейчас Семён?

– Ошибки случаются у всех, дядя полицейский, – Смерть накинула капюшон и снова двинулась вперед. – И поэтому мое предложение остается в силе.

Отойдя на несколько шагов, она обернулась:

– До встречи, – вымолвила она и отправила ему печальную улыбку. – Через много-много лет.

И растворилась в белой мгле.

– Да не было такого, – сообщил лейтенант коллеге, когда через пару дней смог спокойно, почти без болей, тихо-тихо говорить. – Был дождь, погас свет. Я облокотился на тележку, а она поехала. Я упал, тележка следом, а на ней этот долбаный скальпель лежал!

Другой полицейский судорожно вздохнул, глядя на перевязанное горло Зарницына. Под бинтами красовались швы. За окном мягко грело солнышко и в палату проникал лег-

кий, нежный ветерок.

– Значит, претензий к гражданину Соколову не имеете, товарищ лейтенант?

– Старший, – поправил Сергей. – Какие претензии, о чем Вы вообще?

Собеседник пристально посмотрел на Зарницына, потом на Соколова, что стоял рядом. Позади Игоря в каком-то нетерпении вертелся мальчик. Сергей узнал в нем Марка. И с облегчением обнаружил, что тот не лежит, а в меру активно двигается. Ну, насколько позволяют закрепленная на нем металлическая конструкция.

– Все так?

– Все так, товарищ... э... – промямлил Соколов, глядя на Зарницына с благодарностью. – Да. Захожу я, значит, найти лейтенанта, а он... Вот.

– Ну как хотите, – полицейский закрыл папку и встал с места. – Потом поговорим, Серёжа. Но учти, с тебя – напитки.

– Аг-ха, – Сергей коснулся бинтов на горле. И шепотом добавил: – Мне ж, конечно, можно.

Коллега улыбнулся:

– Выздоровливай.

Он покинул палату, а вслед за ним и Соколовы. Зато появилась более желанная гостья, что не успела даже переодеться в форму.

– Как самочувствие? – осторожно спросила знакомая мед-

сестра с нежным голосом.

– Бывало и лучше, – честно сказал Зарницын и ухмыльнулся. – Ты спасла меня.

– Я знаю. Не за что.

– Нет, не здесь.

Он рассказал ей все, что видел за гранью, в деталях,

– Ла-адно, – захихикала Кристина, когда он закончил историю. – Так меня на свидание еще не звали! Ну, так и быть, принимаю приглашение. Сегодня, в восемь вечера, в этой же палате! – она отправила Сергею воздушный поцелуй. – Не опаздывай!

Полицейский засмеялся было, но эмоции резко сковала боль.

– Тише, спокойнее, – проговорила девушка. – Побереги себя.

Тот лишь махнул рукой в ответ.

– Как... Как там наш гость из прошлого?

– Выглядит лучше и чувствует себя так же, – она пожала плечами. – Привыкает, телефон вот почти освоил, несколько предложений на русском выучил. Петр Алексеевич с ним проводит много времени. Велел передать тебе привет. После обеда должны приехать люди из КПНД.

Зарницын почти виновато отвел глаза.

– Фантастика все это, – девушка вздохнула. – Кому рассказать – не поверят.

Неожиданно у Кристины заиграл телефон.

– Блин, вызывают, – она на ходу принялась стягивать пальто, под которым пряталась лазурная блузка без рукавов. – До веч... Что?

Сергей уставился на нее.

И ее татуировку с песочными часами, черной косой и рыжим котом.

Эпилог

27 января 1945 года войска Красной армии освободили Освенцим. К этому моменту на территории концлагеря было уничтожено от 1,5 до 4 миллионов человек. Мы никогда не узнаем точную цифру.

В 1947 году на месте концлагеря образован Государственный музей Аушвиц-Биркенау.

Отрицание Холокоста и оправдание нацизма уголовно наказуемо в России и ряде стран мира.

По ночам Колек Тшебинский до сих пор видит кошмары.